

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К60

Колычев, Владимир Григорьевич.

К60 **Повод для убийства / Владимир Колычев. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с. — (Колычев. Лучшая криминальная драма).**

ISBN 978-5-04-206943-7

Девять лет назад, охотясь на бизнесмена Альберта Чистова, киллер случайно убил его жену Кристину. Альберт поквитался с киллером, но добраться до заказчика покушения не успел — угодил за решетку. Освободившись, Чистов устраивается работать «решалой» к крупному криминальному авторитету. Вскоре он знакомится с Оксаной, племянницей одного из друзей своего нового босса. Между ними возникает взаимное чувство. Увлеченный страстью, Альберт не догадывается, что эта девушка не только хорошо знала его покойную жену, но и была причиной всех его несчастий...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-206943-7

© Колычев В.Г., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Глава 1

Ограда по периметру из железных прутьев, опорные столбы кирпичные, высокие, на каждом пятом — видеокамера, массивная конструкция контрольно-пропускного пункта, раздвижные ворота и шлагбаум. Охрану несет лопухий паренек в униформе, у него на поясе дубинка. Это, конечно, не зона с железобетонным забором, с караульными вышками и автоматчиками на них, но все же мысли о ней навевают. Вон, как будто даже сторожевая собака где-то залаяла.

А может, и на самом деле где-то подала голос собака. Жилой поселок за железным забором, элитные особняки, породистые хозяева и чистокровные псы. И Альберту здесь работать, в свите у Антрацита, с которым когда-то мотал срок. Юрий Витальевич уже два года как на свободе, вернулся к делам, к бизнесу, снова на подъеме, Альберт же только что из мест не столь отдаленных. Вчера

откинулся, Филимон забрал его, сегодня утром уже в Москве, на «Икс Пятом» к элитному поселку подъезжают, лопухий охранник вопросов не задает, ворота уже открыты, сейчас поднимет шлагбаум — и можно проезжать. День и ночь в дороге, целые сутки между прошлым и будущим. Целые сутки свободы. Сейчас Антрацит встретит его, скажет слово — и все, вольная жизнь закончилась. Служба — это по-любому кабала. Альберт к этому готов. Да других вариантов у него и нет. Кому он нужен с двумя ходками? Четырнадцать лет по тюрьмам и зонам, и вряд ли это предел. Антрацит по уши в криминале, и Альберт не ромашку аптечную для него собирать будет.

Шлагбаум почему-то не поднимался, лопухий кривился, нажимая на кнопку пульта дистанционного управления, но механизм не включался.

— Эй! — Филимон опустил стекло. — Что за непонятки, чувак?

Он тоже мотал срок с Альбертом, в прошлом году освободился, Антрацит взял его к себе, нормально все, жив-здоров и не кашляет. И зарабатывает неплохо. Квартиру в Красногорске взял, правда, пока в кредит, но совсем немного выплачивать осталось. «БМВ» третьей серии, не первой молодости, но свой. Ну, если ему верить.

— Да не получается! — кривился лопухий.

Альберт не любопытный, но он тоже опустил стекло, чтобы слышать разговор. Да и свежего воздуха вдохнуть захотелось.

Запахло свежескошенной травой: территорию вокруг поселка в порядок приводят.

— Ну ты и чепушила! — с небрежностью хозяина жизни фыркнул Филимон.

Голова у него крупная, лоб крепкий, массивный, а волосы жидкие, хлипкие, лысина из-под них пробивается, на солнце блестит. Брови у него как два поднятых крыла у птицы, нос большой, с очень широкой спинкой, как будто сливу вовнутрь впихнули. Крепкий пацан, двухпудовыми гириями жонглирует, руки сильные, плечи мощные, а задница все равно немного шире. Руки длинные, ноги короткие. Не красавец, короче.

— Босс твой проезжал, на нем заклинило, — услышал Альберт.

— И что? — напыжился Филимон и взялся за дверной рычажок, чтобы выйти и набить морду непонятно кому. Чтобы Антрацита не смел больше ни в чем обвинять.

Но выйти Филимон не успел, шлагбаум поднялся, путь открылся. И паренек, глянув на него, торопливо засеменял к проходной.

— Куда босс проезжал? — спросил Альберт, когда шлагбаум остался позади. — Туда или обратно?

— Куда? — задумался Филимон.

Ему-то лучше, если Антрацит сейчас в отъезде, а то, если дома, и подпрячь может. Да и Альберту без Антрацита лучше. В порядок бы себя с дороги привести, хорошо бы в баньку. Купальный павильон к дому пристроен, бассейн там, но туда лучше не мылиться. Бассейном только Антрацит может пользоваться и его подружка. Завел себе белокурую молодуху на старости лет, ну так это его право, Альберт и в мыслях не собирался ему указывать.

Особняки в поселке богатые, далеко друг от друга, участки большие, за высокими заборами. Филимон подъехал к массивным арочным воротам, выходить не стал, просто нажал на кнопку брелока, створки расползлись в стороны. С гордостью на кнопку жал: как же, не у всякого есть доступ к дому самого Антрацита.

Охраны у ворот нет, во дворе тоже никого не видно, две машины у крыльца, представительский «Мерседес» и «Гелендваген». А двор большой, пока добежишь от крыльца к воротам, целое стадо быков успеет ворваться. Хорошо, если просто быков. И Филимон за рулем, если вдруг налетчики на его плечах во двор вломятся, он и ответить им не сможет. А они могут вломиться, потому как створки закрываются медленно. Охранника на ворота ставить надо и кнопки у Филимона и прочих отобрать, иначе беда.

— Дома босс,— сказал Филимон.

— Да я уже понял,— глядя на «мерс», кивнул Альберт.

Антрацит держал для него место, если Филимона за ним выслал. Эта мысль успокаивала. Все-таки приятно осознавать, что вопрос с работой уже решен.

Дом у Антрацита реально крутой: большой, с высоким цоколем, крыльцо с колоннами, фигурная крыша, лепные фронтоны, эркеры, мезонины.

— Пойдем! — Филимон выходил из машины, увлекая его за собой.

Прихожая в доме серьезная, квадратов сорок, не меньше, полы блестят, медь сияет. В дверях лоснящийся от сытой жизни здоровяк в строгом костюме, нахмуренный, сосредоточенный, в руке рация. Увидев Филимона, он оживился, улыбнулся ему, но только одной половиной лица.

— Где Юрий Витальевич? — спросил Филимон, озадаченно глядя на него.

— Да там такое! — закатил глаза Джоуль, кивком указал на закрытую дверь.

— Гляну?

— Ну-у!

Джоуль оценивающе и с подозрением смотрел на Альберта. Он не мог не знать, куда и за кем ездил Филимон, но вчерашний зэк не произвел на него впечатления. Роста чуть выше среднего,

скорее худощавого, чем атлетического сложения, не амбал, одним словом. И одет неважно: спортивный костюм хоть и новый, но с придорожной барахолки, а не из стильного бутика. И прическа оставляла желать лучшего. Да и лицо неплохо бы разгладить, а то зачерствела кожа на северных ветрах. Все это Альберт прекрасно понимал, но всему свое время. Сначала якорь бросить, потом все остальное.

— Гну!

Филимон открыл дверь, отделяющую прихожую от лестничного холла, еще более просторного и высотой в два этажа. Там Альберт и увидел Антрацита: Юрий Витальевич стоял посредине холла, а на полу, раскинув руки, лежала длинноволосая девушка в шелковом халате. Глаза открыты, голова слишком уж круто повернута, как будто шея скручена, рот приоткрыт, фарфоровые зубы в рассеянном свете тускло поблескивают. Журнальный столик перевернут, стоявший на нем светильник сломан, небольшие кресла сдвинуты.

В голове падающими листьями закружили кадры из прошлого. Девять лет назад вот так же, раскинув руки, лежала его любимая девушка. Убили Кристину, снайпер, сука...

Альберт прогнал видение, глянул на лестницу, под которой стоял столик со светильником. Длинный, чуть изогнутый однопролетный лестничный

марш, без всяких промежуточных площадок. С одной стороны, красиво, но с другой — марш слишком короткий, а потому и ступеньки высокие, неудобные. Из красного дерева лестница, перила крепкие, блестят, как будто отполированные. Возможно, чьей-то задницей отшлифованные. Возможно, покойница привыкла спускаться по лестнице именно таким образом, задницей по перилам. Но сегодня что-то пошло не так, вес тела опасно сместился в сторону столика, на повороте девушку занесло, и она свалилась вниз. И ударилась головой о столик. Шейные позвонки не выдержали силы удара, смерть была почти мгновенной.

— Да я во дворе был, туда-сюда, откуда я знал, что Юлия Марковна того?.. — оправдывался верзила с вислыми щеками.

Здоровый, накачанный, но уже немолодой, точно за сорок. Пышные, зализанные назад волосы, наверняка предмет зависти Филимона, под воспаленными глазами мешки. Ухо розовое, как будто его кто-то трепал. Недавно трепал, минут пятнадцать-двадцать назад, краснота уже прошла. А может, это защитная реакция организма. В краску мужика не бросило, а кровь к лицу хоть немного, но прилила. От волнения. Шутка ли, за подругой Антрацита не уследил!

— Я же один остался, все разъехались, — оправдывался мужик.

— Уже приехали!

Антрацит букой смотрел на гостя. Вроде и понимал, что Альберт ни в чем не виноват, но все равно корил себя за излишнюю заботу о подопечном. Альберт мог бы и сам добраться до места, а Филимон остался бы дом охранять. Глядишь, и не случилось бы ничего.

Альберт кивнул в знак приветствия. В принципе, он может и назад повернуть. Есть у него кое-какая заначка, в районе пяти тысяч долларов, деньги по нынешним временам серьезные, с них новую жизнь и начнет. Он ведь и на воле в прошлом крутился-вертелся, покупал-продавал, неплохо поднялся, это в девяностые. А в конце восьмидесятых валютой занимался, лохам фальшивки впаривал, на этом, в общем-то, он и погорел. И в девяностых не сложилось. Резко поднялся, но круто упал. Жалкие крохи только и остались. Но ему на раскрутку хватит. В общем, не пропадет без Антрацита.

— Приехали, а тут... — шумно вздохнул Филимон.

— Что — тут? — пристально посмотрел на него Антрацит.

— Э-э... несчастный случай? — замялся Филимон.

— Менты подъедут, так им и скажешь: несчастный случай. Давай на ворота, менты сейчас будут, встретишь, проводишь.

Филимон ушел, Антрацит проводил его взглядом, подошел к Альберту, скупно улыбнулся, кивнул, вроде как поздоровался. Но руки не подал. Типа, не до церемоний сейчас. Беда в дом пришла, не стало его любимой женщины, не до разговоров сейчас.

А девушка интересная, будь она сейчас живой, Альберт мог бы и залюбоваться ею. И лицо, и фигура — все при ней.

— Давай, приступай, — только и сказал Антрацит.

— К чему?

— К работе! — удивленно повел бровью авторитет.

Альберт кивнул, осторожно приблизился к труп, присел.

— Ты чего? — возмущенно спросил Антрацит.

— Эй! — Здоровяк протянул к нему руку.

Альберт заметил печатку с гранатом на безымянном пальце. Камушек немаленький для перстня, что-то белое на нем: или мел после бильярда, или что-то другое. Но рука при этом чистая. Да и на костюме никаких следов мела. Только древесные волокна на стрелках брюк, совсем чуть-чуть. И на туфлях немного, почти незаметно. А так туфли блестят, как у кота что надо.

— Мирон! — осадил Антрацит.

Здоровяк кивнул, подался назад, Альберт склонился над трупом, втянул воздух. От девушки

пахло свежим алкоголем, но не так, как если бы она выпила и выдыхала перегаром. И еще он уловил едва заметный аромат французских духов. Еще слабее пахло хлорированной водой, которая заглушала французский аромат. Волосы влажные, но только снизу, от макушки сухо. Заколки на них. В бассейне Юля плавала, причем без шапочки, с распушенными, хотя и заколотыми местами волосами. Халат она тоже надевала на влажное тело. На слегка влажное — после того, как его промокнули полотенцем. Материя не то чтобы прилипла к телу, но прилегала к нему плотно. Лацканы халата смяты, как будто девушка запахивала халат нервным порывистым движением.

Халат запахивался и снизу, но это произошло уже после того, как девушка упала. Или Мирон закрыл обнаженные ноги, или Антрацит.

След от удара Альберт осмотрел наспех, вскользь. Похоже, падая, девушка ударилась виском об угол стола. Но синяк посмертный. Синяк, напоминающий трупное пятно. Когда-то по молодости Альберт подрабатывал в морге, слышал разговоры врачей. И уши покойникам отрезал, пальцы по просьбе пацанов с района. Они уже тогда коммерсантов кошмарили. Прижмут жертву, покажут, как они пальцы и уши должникам отрезают, и терпила уже на все согласен... Веселое было время.

Собираясь подняться, Альберт осмотрел пол под трупом. Рана, в общем-то, бескровная и пены у рта нет, значит, на пол ничего не пролилось. А пол хоть и до блеска натерт, но далеко не стерильный.

— Что ты там все высматриваешь? — поморщился Антрацит.

— Юрий Витальевич, ну вы же меня знаете.

— Да знаю, — кивнул босс.

Альберт в зоне и охранял его, и водку доставал через вертухаев. Водку, чай, сахар и даже наркоту. Девочек приводили, он организовывал. В общем, через него можно было достать если не все, то многое. В принципе, ничего сложного, главное, мосты к людям правильно подводить, Альберт это умел. И еще он мог вычислять крыс и стукачей. Заметит неладное, посмотрит в глаза, понаблюдает немного, а там и приговор. Нюх у него на эту нечисть. И глаз-алмаз, все видит, все замечает. Поэтому Антрацит и позвал его к себе — крыс в своем окружении выявлять, вопросы всякие решать. И в зоне Альберт решалой был, и на воле остается им.

Глядя под ноги, Альберт осторожно поднялся на второй этаж. На лестнице ничего не нашел, а в холле у дверей в кабинет обнаружил заколку с волос покойной. Трогать ничего не стал, Антрацит же не просил заметать следы. Если

не просил, значит, он ни в чем не виноват. Значит, постарался кто-то другой. Возможно, по его просьбе. Хотя вряд ли босс причастен к убийству, если Альберт уже на втором этаже и входил в его кабинет.

Антрацит жил на широкую ногу, денег на личный комфорт не жалел, отделка и обстановка везде как в лучших домах Парижа и Лондона, и кабинет не исключение. Ремонт недавно сделан, стены идеально зашпатлеваны и покрашены, нигде никаких царапин. Мебель дорогая, новая, нигде ни одной пылинки. И картины в одинаковых рамах из красного дерева, как будто педант дизайнером здесь занимался. А картины непростые, именитых мастеров, наверняка подлинники. Антрацит всерьез занимался искусством: первая ходка за кражу картины из музея, вторая — за мошенничество с антиквариатом. Вряд ли картины краденые, иначе бы сейчас здесь такой шорох стоял... А так висят картины, никто их не снимает, не выносит, во всяком случае сейчас.

Альберт задержал взгляд на картине с обнаженной девушкой под водопадом. Не рисунок, а бестолковое буйство фантазии в красках, в обнаженке ни малейшей чувственности, но картина старая, и в этом ее ценность... А может, и не совсем старая. Может, всего лишь искусственно состаренная. Рассматривая картину,

Альберт заметил мелкую закорючку: то ли чертик микроскопический под пяткой у купальщицы прыгает, то ли это знак качества в современном исполнении. Также внимание привлекла царапинка на стене возле самой картины.

— Ты здесь? — беззлобно спросил Антрацит, останавливаясь в дверях.

Немолодой он уже, хоть и слегка, но за пятьдесят, волосы совершенно седые, в зоне они отливали желтизной, а сейчас на голове белый снег. Видно, красит чем-то, но спрашивать об этом не стоит. Характер у Антрацита взрывной. Спокойный, спокойный, а потом как шархнет — с места, без разгона.

— Да вот люблюсь. Как будто в галерею попал.

— Мазня.

— Да, но стоит дорого.

— Не то слово, — кивнул авторитет.

— Круто здесь у вас... Особенно ступеньки.

— Что — ступеньки?

— Ступеньки. На лестнице. Высокие.

— Заметил?

— А Юля ваша... Марковна... Как часто она с перил съезжала?

— Да частенько. Ступеньки — да, крутые...

— А перила крепкие.

— А перила крепкие... — эхом повторил вор.

И, немного подумав, добавил: — И скользкие.

— А Юля... Марковна злоупотребляла? — спросил Альберт.

— А что? — резко спросил Антрацит.

Грузный он мужчина, но плечи широкие, как у всякого разжиревшего на старости лет штангиста. Вид свежий, как у перезрелого толстокорого лимона на ветке. И мягкий уже плод, и сморщенный, но соки из земли еще тянет.

В дверях появился Мирон, напуганный, глазки бегают. Он и пытался скрыть свой страх под напускной крутостью, но Альберт все видел.

— Там это, менты подъехали, — косо глянув на него, сказал Мирон.

— Ты иди. — Антрацит выразительно посмотрел на Альберта.

Мирон вывел его через запасной ход.

— И куда мне? — спросил Альберт, осматриваясь.

Участок огромный: сосны, пруд, баня бревенчатая, шашлычная беседка, дорожка по периметру вдоль забора, причем под крышей, во время дождя бегать можно или просто патрулировать.

— Ну, можешь в беседку.

— А почему не в баню? — спросил Альберт.

— Ну да, запашок от тебя... — поморщился Мирон.

Альберт усмехнулся. От него да, пахло с дороги, но от этого экземпляра несло крысой.